

Лемке Михаил Константинович

**Очерки освободительного
движения "шестидесятых годов"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Константинович Л.**
Очерки освободительного движения "шестидесятых годов" / Лемке Михаил Константинович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 520 с.

ISBN 978-5-519-93027-7

ISBN 978-5-519-93027-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Предлагаемая вниманію читателя книга составлена изъ работъ, частью напечатанныхъ предварительно въ «Быломъ» за 1906 и 1907 годы, частью появляющихся здѣсь впервые. Первые изъ нихъ пересмотрѣны и дополнены подробностями, не вошедшими прежде исключительно благодаря журнальной техники и недостатку мѣста.

Я и не задавался цѣлью дать какую-нибудь общую картину освободительнаго движенія шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, потому что считаю такую работу еще не своевременной при той бѣдности чисто фактическаго матеріала, которая отмѣчаетъ въ нашей литературѣ эту необыкновенно интересную эпоху. Если же собранные здѣсь отдѣльные и совершенно самостоятельные очерки наведутъ читателя на нѣкоторые обобщенія и выводы, то считаю долгомъ предостеречь отъ приданія имъ абсолютнаго значенія, такъ какъ матеріаль для такой синтетической работы, ~~я~~ моему, еще не настолько великъ.

Въ особыхъ приложеніяхъ я привожу рядъ такихъ документовъ, которые, отмѣняя эпоху, имѣютъ и вполне самостоятельный интересъ для всякаго, кому хочется собрать матеріаль для лучшаго изученія времени, съ котораго, въ сущности, можно начинать лѣтопись нашей политической общественной жизни.

Портреты А. А. Серно-Соловьевича и Б. К. Кукеля появляются въ свѣтъ впервые.

Въ заключеніе приношу свою искреннюю благодарность Н. Г. Адонцу, М. Н. Слѣпцовой и г. Ш., оказавшимъ мнѣ серьезную помощь по собиранію матеріаловъ для настоящей книги.

Авторъ.

ДѢЛО ПРОФЕССОРА ПАВЛОВА

Дѣло профессора П. В. Павлова.

Въ лѣтописяхъ шестидесятыхъ годовъ часто упоминается о высылкѣ изъ Петербурга профессора Павлова. Дѣло это тогда было одно время общей злобой дня, а потомъ, заслоненное массою гораздо болѣе крупныхъ событій, довольно быстро исчезло изъ памяти даже многихъ современниковъ.

Между тѣмъ, по моему мнѣнію, оно очень характерно именно для шестидесятыхъ годовъ, когда, выбитая изъ колеи, николаевская жандармерія положительно потеряла голову при видѣ мускулатуры царевича, разнесшаго въ дребезги бочку, въ которую онъ былъ заключенъ попеченіемъ предыдущаго царствованія. Правда, немного спустя царевича вновь преспокойно связали и заключили просто уже въ казематъ, но нѣсколько дней онъ былъ на свободѣ...

Вотъ какъ записалъ покойный В. В. Стасовъ разсказъ Платона Васильевича Павлова о его дѣтствѣ:

«Я родился 7-го сентября 1823 г., въ имѣніи моего отца, въ селѣ Таможенскомъ, Нижегородской губерніи и уѣзда. Родителей своихъ я лишился еще въ малолѣтствѣ и тотчасъ же былъ взятъ на попеченіе дядей моимъ, Василиемъ Федоровичемъ Козловымъ, почти постоянно проживавшимъ также въ своемъ имѣніи, селѣ Шапкинѣ, Нижегородской же губерніи, въ Горбатовскомъ уѣздѣ. Мой дядя сталъ воспитывать меня вмѣстѣ со своими дѣтьми и не дѣлалъ различія между ними и мною, и я привыкъ уважать и любить его, какъ настоящаго родного своего отца. Это былъ человѣкъ въ высшей степени оригинальный и выходящій изъ ряду вонъ; живой остатокъ XVIII вѣка на Руси, соединеніе самыхъ крайнихъ и, повидимому, несовмѣстимыхъ противоположностей: вольтеріанецъ-атеистъ — и необузданнѣйшій деспотъ въ душѣ и на словахъ; человѣкъ очень по-своему начитанный и образованный — и вмѣстѣ полный всяческихъ предразсудковъ, сословныхъ и иныхъ; крѣпостникъ — и человѣкъ, мягко обращающійся со своею прислугою, такъ что никогда никому изъ всѣхъ своихъ Ванекъ и Грушекъ не говорилъ «ты». Что касается до насъ, дѣтей, то ни

его собственные сыновья и дочери, ни я никогда не были наказаны. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, въ глуши русской провинціи, это было совершенное чудо.

«У насъ было всего два учителя, для всѣхъ наукъ и знаній: французъ Гофэ, проживавшій у дяди въ домѣ, въ качествѣ гувернера, и его сельскій священникъ Рожанскій. Про перваго нечего сказать особеннаго: онъ насъ училъ по-французски, гулялъ съ нами и разговаривалъ на своемъ родномъ діалектѣ, и съ довольно раннихъ лѣтъ научилъ насъ ему очень основательно. Второй же былъ едва ли не единственнымъ и настоящимъ нашимъ учителемъ по всѣмъ остальнымъ частямъ знанія, какое требовалось тогда преподавать помѣщичьимъ сыновьямъ, маленькимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ. И мы любили нашего учителя; онъ такой былъ хороший человѣкъ и такъ ласково и усердно училъ насъ. Даже въ извѣстной степени могу сказать, это онъ былъ первой причиной моей любви къ чтенію, превратившейся впослѣдствіи, съ годами, въ привычку, потребность и страсть...»

Дальнѣйшая жизнь П. В. сложилась такъ: мальчикомъ онъ привезенъ былъ въ Петербургъ и отданъ въ приготовительный частный пансіонъ француза Дешуданса; отсюда поступилъ въ Главный педагогическій институтъ, гдѣ въ 1844 году окончилъ курсъ съ серебряной медалью. Въ 1845 году онъ былъ удостоенъ степени магистра греческой словесности за сочиненіе (написанное, по тогдашнимъ требованіямъ, на латинскомъ языкѣ) «О политическихъ мнѣніяхъ аѳинскихъ трагиковъ». 23-хъ лѣтъ Павловъ былъ уже профессоромъ Кіевскаго университета св. Владиміра, занявъ каведру русской исторіи послѣ Костомарова. Аудиторія его всегда была переполнена слушателями, не только студентами университета, но и посторонними лицами. Многие изъ студентовъ Кіевской духовной академіи, особенно изъ славянъ, приходили поучиться у П. В.

На двадцать пятомъ году жизни онъ былъ удостоенъ Московскимъ университетомъ степени доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики. Его диссертация: «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова» была самымъ блестящимъ явленіемъ тогдашней русской науки. Профессора Московскаго университета: Грановскій, Кудрявцевъ, Соловьевъ, Бодянский, Буслаевъ, Катковъ, Леонтьевъ, Шевыревъ, бывшіе оппонентами на этомъ диспутѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ были участниками въ устройствѣ триумфа молодому ученому. Этотъ моментъ покойный П. В. считалъ счастливейшимъ изъ немногихъ счастливыхъ дней своей жизни.

Павлову принадлежитъ высокая честь почина въ основаніи воскресныхъ школъ. Изъ Кіева онъ быстро распространились по всей Россіи. Дальше, въ статьяхъ о Муравскомъ и «воскресникахъ», читатель встрѣтитъ нѣсколько указаній по этому поводу, здѣсь же я замѣчу лишь, что энергія Павлова и его дружескія отношенія съ кіевской университетскою молодежью были главнымъ источникомъ успѣшности кіевскихъ школъ. Въ этомъ дѣлѣ было два разныхъ теченія:

Павловъ, твердо убѣжденный въ томъ, что распространеніе знанія постепенно, но неминуемо трансформируетъ наше полуазиатское общество, и любившій выражать свою мысль въ словахъ: «la révolution par l'école»¹⁾, — и работавшая съ нимъ молодежь, искавшая въ воскресныхъ школахъ революціонизировавшаго фермента. Благодаря этому Павловъ былъ подъ наблюденіемъ недреманнаго ока, которое, однако, ничего подозрительнаго въ его дѣятельности найти не могло.

Однако, подъ благовиднымъ предлогомъ назначенія его членомъ археографической комиссіи, Павлова убрали изъ Кіева въ Петербургъ, гдѣ надзоръ могъ быть усиленнѣе и лучше.

14 декабря 1859 года, въ тридцать четвертую годовщину декабрьскаго возстанія, студенты устроили Павлову прощальный вечеръ передъ его отъѣздомъ въ Петербургъ. Павловъ произнесъ тостъ въ честь Герцена, «какъ человѣка, стоявшаго во главѣ прогрессивнаго движенія въ Россіи»... Это тоже стало извѣстно властямъ²⁾.

Въ Петербургѣ съ 1861 года, помимо профессуры и опять-таки организаціи воскресныхъ школъ, Павловъ усиленно занимался литературой и, между прочимъ, въ концѣ 1861 года написалъ статью «Тысячелѣтіе Россіи», напечатанную въ приложеніи къ академическому «Мѣсяцеслову на 1862 годъ». Я не буду разяснять научныя достоинства этой работы, какъ и всѣхъ другихъ, а приведу лишь одно мѣсто изъ нея, чтобы дать понять, почему она обратила на себя такое вниманіе, что разошлась въ количествѣ по тогдашнему времени совершенно небывалому: 40.000 экземпляровъ.

«Обстоятельства избавленія Россіи отъ иноплеменниковъ и избраніе Михаила Ѳеодоровича имѣютъ глубокое значеніе. Кто освободилъ Россію? Русскій народъ въ лицѣ нижегородскаго мясника. Кто избралъ на московскій престолъ царя? Также русскій народъ въ лицѣ выборныхъ земскаго собора. Кто, наконецъ, спасъ жизнь избраннаго всею землею царя? Опять тотъ же русскій народъ въ лицѣ мужика. Итакъ, домъ Романовыхъ своимъ восшествіемъ на престолъ, жизнью своего родоначальника,—однимъ словомъ, всѣмъ обязанъ русскому народу»... «Выполняя историческую задачу, цари новой династіи постепенно усиливали свое государство. Вмѣстѣ съ усиленіемъ государства усиливалась и правительственная централизація, незамѣтно сокрушая на пути своего развитія многія старинныя обычныя учрежденія, наслѣдованныя Россіей единойдержавной отъ Руси федеративной, удѣльно-вѣчевой».

Разумѣется, подобныя мѣста статьи не могли не возбуждать тогда удовольствія среди интеллигенціи, еще не привыкшей слышать что-либо подобное въ открытую... Этому не мѣшали похвалы Александру II, потому что въ началѣ 1862 года общество вѣрило въ его искренность³⁾...

¹⁾ Л. Ф. Памелеевъ, «Нѣзъ воспоминаній прошлаго», стр. 158—159.

²⁾ Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣло № 132905.

³⁾ Въ 1863 г. статья эта вышла въ особомъ изданіи.

Разумѣется, когда въ мартѣ 1862 года рѣшено было устроить литературный вечеръ въ пользу Литературнаго Фонда и познать мнѣ слушателей съ приближавшимся тысячелѣтнимъ юбилеемъ Россіи, Павлова пригласили прочесть по этому поводу особую рѣчь.

Онъ отдалъ ее предварительно на цензуру, получилъ одобрѣніе и 2 марта выступилъ на вечерѣ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, В. С. Курочкинымъ и другими.

Вотъ текстъ рѣчи по одобренному цензурой экземпляру:

«Милостивыя Государыни и Господа.

«Россія прожила тысячелѣтіе. По прошествіи этого длиннаго періода на нашихъ глазахъ совершается событіе огромной важности: Высочайшій манифестъ 19 февраля 1861 года открываетъ свою печальную историческую процессію похоронъ стараго, рабовладѣльческаго порядка вещей. У ногъ нашихъ разверзается великая могила, готовая принять трупъ отжившей старины; за плечами нашими пора рабства; передъ нами неизвѣстное будущее! Въ виду скорбнаго траурнаго зрѣлища естественно рождается два вопроса. Во-первыхъ: чѣмъ была старина наша? Во-вторыхъ: какимъ образомъ, похоронивъ старину, мы въ состояніи, черезъ ея историческую могилу, выйти на широкую, столбовую дорогу успѣха и благосостоянія, избѣгнувъ опасностей? Исполняя долгъ гражданина, попытаюсь, по крайнему разумѣнію, отвѣтить на оба вопроса. Въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія Россія была рабовладѣльческой. Несправедливо видѣть въ союзной, удѣльно-вѣчевой Руси общество вполне свободное. Княжескіе съѣзды, служилыя думы, общинныя вѣча и церковные соборы существовали только для свободныхъ, охраняя до нѣкоторой степени вольности владѣтельныхъ князей, людей служилыхъ, людей общинныхъ, городовъ и селъ, наконецъ, духовенства. Княжескіе съѣзды, служилыя думы, общинныя вѣча и церковные соборы были только щитомъ воли однихъ людей вольныхъ. Благодареніями присяжнаго суда, военною защитою, плодами полуобразованія, преимуществами федеративнаго устройства, всѣми этими благами наслаждались люди привилегированные: князья, родовое чиновничество, общинники и духовенство. Что же касается до холоповъ, людей несвободныхъ, то у нихъ не было никакихъ правъ. Подъ вліяніемъ монгольскаго ига Русь окончательно раздѣлилась на двѣ половины, на два государства: Литовское и Московское. Въ половинѣ XVI вѣка Литовское государство соединилось съ аристократическо-конституціоннымъ, католическо-польскимъ королевствомъ. Черезъ унію, въ XVII вѣкѣ, оно стало готовиться перейти къ католичество. Сѣверная, бѣлорусская часть Литовской Руси, какъ вамъ извѣстно, сохраняя унію, успѣла значительно ополчиться; зато южная, малороссійская часть Литовской Руси сперва (при Богданѣ Хмельницкомъ и Дорошенкѣ) силилась содѣлаться самостоятельной державой, а потомъ соединилась съ Россіей. Въ Литвѣ Бѣлорусской, какъ и въ Польшѣ, постоянно существовали холопы; въ Малороссіи

крѣпостное состояніе, упраздненное со временъ Хмельницкаго, было возстановлено Екатериною II. И такъ въ западной, Литовской Руси рабство постоянно преобладало. Государственная московская централизація, какъ вы знаете, вслѣдствіе вліянія деспотизма монголовъ и отсталого византійства, постепенно вытѣсняла древнія вольности, зародившіяся въ союзной, удѣльно-вѣчевой Руси, областныя вольности владѣтельныхъ князей и вѣчевыхъ городовъ Новгорода и Пскова (въ XIV и XV вѣкахъ, и въ первой половинѣ XVI вѣка); вольности служилыхъ людей съ боярами въ челѣ (при Іоаннѣ Грозномъ); наконецъ, вольности общинъ (при Борисѣ Годуновѣ, правителѣ и царѣ). Съ конца XVI вѣка крѣпостное состояніе охватило, какъ губительная зараза, всю русскую землю. Въ XVII вѣкѣ, особенно въ его началѣ (въ эпоху самозванцевъ и междоусобицъ) вольные люди Московскаго царства пытались — было возстановить прежній, болѣе желанный для себя порядокъ вещей. Но попытка ихъ была безуспѣшна вслѣдствіе того, что, заботясь о своихъ вольностяхъ, они совершенно забыли о низшемъ земскомъ сословіи, поверженномъ въ позорныя цѣли крѣпостного состоянія. Вотъ причина политической несостоятельности земскихъ соборовъ въ XVII столѣтіи; вотъ причина утвержденія въ Россіи безусловной централизаціи, вооружившейся при Петрѣ I и его преемникахъ всѣми средствами западно-европейскаго просвѣщенія. Въ XVIII и XIX столѣтіяхъ русская земля наказалась вполнѣ за страданія и позоръ низшаго земскаго сословія. Не обольщайтесь мишурнымъ блескомъ мнимой цивилизаціи этой скорбной эпохи: никогда Россія не испытывала болѣе тягостнаго состоянія! Настоятельная необходимость современныхъ правительственныхъ реформъ какъ нельзя болѣе подтверждаетъ справедливость нашего мнѣнія. Ко временамъ нынѣ благополучно царствующаго государя чаша бѣдствій преисполнилась! Подъ вліяніемъ современныхъ западно-европейскихъ политическихъ и общественныхъ событій нашему многострадальному отечеству предстояло пройти черезъ страшный историческій переворотъ. Правительство, повидимому, уразумѣло это и приступило къ рѣшенію второго вопроса, который мы предлагали выше, къ вопросу о томъ, какимъ образомъ вступить въ колею успѣха и благосостоянія, избѣгнувъ опасностей? Правительство рѣшилось рядомъ благоразумныхъ коренныхъ реформъ предотвратить всеобщее бѣдствіе. Вступивъ однажды на этотъ путь, наши администраторы не захотятъ ни подъ какимъ видомъ идти назадъ; они, конечно, знаютъ, что каждый ихъ попятный шагъ есть новая ступень къ общей гибели.

«Правительство дало спасительный толчокъ самому обществу упраздненіе правительствомъ крѣпостного права потрясло всю русскую землю до основанія. Если не ошибаемся, образочанные, достаточные классы въ Россіи поняли, что, въ виду возможнаго историческаго переворота, благоразуміе имъ повелѣваетъ сблизиться съ невѣжественными, недостаточными классами въ городахъ и въ селахъ какъ къ несомнѣнной выгодѣ этихъ классовъ, такъ еще болѣе въ видахъ собственной пользы. Наши просвѣщенные, доста-

точные классы, повидимому, добровольно хотятъ отказаться отъ своихъ неважныхъ преимуществъ и привести въ равновѣсіе свои интересы съ интересами низшихъ разрядовъ общества. Въ какой мѣрѣ правильное, добровольное сліяніе интересовъ высшихъ и низшихъ классовъ можетъ удаться въ Россіи, намъ, разумѣется, неизвѣстно. Скажу только, что на роковомъ рубежѣ прожитаго отечествомъ тысячелѣтія, въ переходную эпоху великаго общественнаго переворота, одно это соединеніе всѣхъ интересовъ можетъ спасти Россію отъ великихъ бѣдствій, могущихъ угрожать ей»¹⁾.

Что именно сказалъ Павловъ на самомъ дѣлѣ—неизвѣстно. Показанія современниковъ о концѣ рѣчи неоднобразны. Г. Пантелѣевъ такъ рассказываетъ событіе: Павловъ, «повидимому, замѣтилъ, что въ заднихъ рядахъ плохо слышали лекторовъ, а голосъ у него былъ слабый; онъ взялъ нѣсколькими нотами выше обыкновеннаго; отсюда все чтеніе получило замѣтно выкрикивающей характеръ, и въ то же время сильно подчеркивались слова, сами по себѣ не заключающія ничего страшнаго... До публики, извѣстнымъ образомъ настроенной, часто слова лектора доходили совсѣмъ въ переиначенномъ видѣ; напр., Павловъ сказалъ: «ко времени вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго государя чаша народныхъ страданій преисполнилась; а многимъ послышалось *во время* и т. д. Вотъ онъ кончилъ; начались вызовы. Павловъ долго не выходилъ, наконецъ показался и далъ знакъ, что хочетъ говорить; мгновенно воцарилась тишина. Что было у него на умѣ, трудно сказать; только онъ произнесъ: Имѣющій уши слышать, да слышитъ. Послѣ этихъ словъ въ залѣ произошло нѣчто трудно описуемое; вѣроятно, потомъ оказалось не мало поломанныхъ стульевъ. Многіе тутъ же громко говорили, что Павлову не сдобровать»²⁾.

М. А. Антоновичъ утверждаетъ, что еще при самомъ концѣ рѣчи Павловъ произнесъ: «Имѣй уши слышать, да слышитъ», а по вызову повторилъ эту фразу...

Впрочемъ, какъ бы то ни было, но уже 5-го марта Павловъ былъ арестованъ, а 6-го отправленъ съ жандармами въ Ветлугу.

Правительство сочло нужнымъ опубликовать по этому случаю въ «Русскомъ Инвалидѣ» слѣдующее: «На литературномъ вечерѣ, бывшемъ 2-го числа сего мѣсяца въ пользу Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, оставшійся за штатомъ профессоръ с.-петербургскаго университета статскій совѣтникъ Павловъ читалъ свою статью «О тысячелѣтіи Россіи». При чтеніи

¹⁾ Въ такой редакціи рѣчь приведена въ «Сборникѣ статей, изданныхъ цензурою въ 1862 году», въ который она попала изъ февральской книжки (за 1862 г.) «Русскаго Слова», издѣваемой стараніями Писарева, напечатать ее у себя и для этого даже задержаннаго очередной номеръ. Въ долгоруковскомъ «Правдиномъ», а отсюда въ «Государственныхъ преступленіяхъ» подъ ред. г. Богучарскаго рѣчь приведена съ ошибками и произвольными измѣненіями, сдѣланными петербургскими корреспондентами,—разумѣется, Павловъ не способствовалъ сообщенію своей рѣчи за-границу, что будетъ понятно изъ дальнѣйшаго.

²⁾ Н. С., стр. 156—157.